

a nejednoznačností morfolo-
gického vývoje, doplňuje naše
poznání historické gramatiky
především svou úzkou vazbou
na dialekty, ukazuje, že
i oblast zdánlivě tak pro-
zkoumaná, jako je morfolo-
gie, dává prostor pro nová pozorová-
ní a novou interpretaci.³

POZNÁMKY:

¹ К. В. Горшкова, Г. А. Ха-
бургав, Историческая грам-
матика русского языка, Изд.
"Высшая школа", Москва 1981.

² Propracování těchto pojmů
v rámci teorie spisovného ja-

zyka je především zásluhou B.
Havránka a Pražské lingvis-
tické školy, v posledních 20
letech pak Komise pro slovan-
ské spisovné jazyky při Mezi-
národním komitétu slavistů za
předsednictví A. Jedličky.

³ Z českých badatelů se ob-
dobnou problematikou z jiného
zorného úhlu a v omezení na
substantiva zabývá hlavně V.
Blažek, srov. jeho dosud ne-
vydanou monografii Problema-
tika staroruské substantivní
paradigmatiky (Popis paradig-
matiky substantiv v novgorod-
ském nářečí konce 13. - za-
čátku 14. století).

Zdeňka Trösterová

Азарх, Ю. С.: Словообразование и формообразование существи-
тельных в истории русского языка. Изд. "Наука", Москва 1984,
246 стр.

V. В. Виноградов считал од-
ной из первоочередных задач
русистики изучение специфики
словообразования частей речи,
роли словообразования в мор-
фологических процессах и в
выражении грамматических зна-
чений и формообразования в
словопроизводстве, историче-
ских переходов слов в лексемы
и лексем в словоформы (ср. В.
В. Виноградов: Русский язык.
Грамматическое учение о слове.
Москва-Ленинград, 1947, 31-
38). Параллельные и взаимо-
обусловленные изменения в
словообразовании и формооб-
разовании составляют предмет
исторической деривационной
морфологии. Вкладом для даль-
нейшего развития данной дис-
циплины является настоящая
работа. Ее автором является
московская русистка Ю. С.
Азарх, научный сотрудник

Института русского языка Рос-
сийской Академии наук. Моно-
графия посвящена проблеме со-
отношения в истории языка
подсистем морфологического
уровня - словообразования
и формообразования. В центре
внимания стоит анализ измене-
ний в суффиксальном слово-
образовании существительных.
Книга является составной
частью коллективного труда
*Историческая грамматика рус-
ского языка. Морфология*.
В предлагаемой работе не при-
водится полностью обширный
фактический материал, а лишь
некоторое число примеров не-
обходимых для иллюстрации
наблюдений и выводов.

Рецензируемая книга слага-
ется из пяти глав. В "Предис-
ловии" (с. 3-6) можно позна-
комиться с целями историче-
ской деривационной морфоло-

гии, нового в русистике направления в грамматических исследованиях.

В первой главе ("Функции субстантивных суффиксов", с. 7-50) толкуется термин "морфологическая функция суффикса". Субстантивные суффиксы могут быть формальными показателями части речи, грам. рода и типа склонения или только указывать на принадлежность производного к именам существительным. А. их называет частноименными, или частеречными (ЧС). Одни ЧС указывают на род и словоизменительный класс производного (ЧС¹), другие - только на принадлежность производного к именам существительным (ЧС²), род деривата (ЧС³), его принадлежность к определенному типу склонения (ЧС⁴). Одни и те же суффиксы могут участвовать в производстве не только существительных, но и прилагательных, причастий, местоимений, числительных; они в настоящей работе называются общеименными суффиксами (ОС).

Группировка суффиксов существительных по их морфологическим функциям исторически подвижна и изменчива. В др.-рус. и ст.-рус. периоды наблюдается рост числа суффиксов с наибольшей морфологической и деривационной нагрузкой, однозначно связанных с родом и типом склонения (ЧС¹). Одновременно идет процесс сокращения количества суффиксов с наименьшей морфологической нагрузкой (ЧС²) и суффиксов, не имеющих морфологических функций (ОС). В настоящей главе рассматриваются морфологические функции суффиксов и семантические типы словообразовательного значения производных слов. Затронут также вопрос слово-

образовательной полисемии, синонимии и омонимии.

В русском языке XI-XVII вв. у существительных, которым не свойствен семантический признак пола, отмечаются колебания в грам. роде. Этому вопросу посвящена вторая глава ("Словообразовательная структура и вариантность в роде имен существительных", с. 50-78). Непроизводные существительные, различающиеся по своей родовой принадлежности, сосуществуют как морфологические варианты одного и того же слова. Результатом всегда является вытеснение одного из них (ср. *удъ // удо*). Специально уделяется внимание вариантности deverбализов с суф. -ък- // -ьк- (ср. *добытъкъ* "имущество", *зачатькъ* "начало"). Далее анализируются субъективно-оценочные существительные. Характерной особенностью является их первичная принадлежность к ср. роду при муж. или жен. роде производящих существительных. С действием в ст.-рус. период тенденция к соответствию в роде производящих слов и производных субъективно-оценочных имен связано с появлением последних и от существительных ср. рода (ср. *долото - долотечо*, *горло - горлышко*).

В третьей главе ("Развитие категории одушевленности", с. 78-134) исследуются процессы, связанные с формированием категории одушевленности-неодушевленности. Описываются изменения в словообразовании существительных муж. рода, жен. рода и, наконец, общего рода. Др.-рус. языку эпохи старших памятников письменности (XI-XII вв.) присуща категория лица/не-лица существительных. Даются суффиксы, служащие для выражения корреляции наименований лиц по

признаку пола.

Категория числа существительных наиболее тесно связана с внеязыковой действительностью. Вопрос ее соотношения со словоизменением и словообразованием анализируется в четвертой главе ("*Семантико-словообразовательные особенности существительных и категория числа*", с. 134-175). Описывается словообразовательная структура существительных со словоизменительными числовыми формами. Более подробно разбирается словообразовательная структура существительных с одной числовой формой; к этому разряду принадлежат прежде всего *собирательные имена*. В др.-рус. период им присущи такие семантические признаки, как множественность, нерасчлененность, однородность, увеличительность и определенность. Первые три названных признака свойственны ед. числу. С точки зрения исторического развития языка дается анализ существительных типа *братья* и *дубье*. В ст.-рус. период стали формироваться вторичные производные суффиксальные собирательные существительные. Разбираются собирательные имена *pluralia tantum*. Следующей рассматриваемой группой являются *вещественные существительные*. Изложение разделено на две части: в первой исследуются существительные со значением разновидности вещества (ср. *баранина*, *буженина*, *молозиво*, *курево*, *власьяница*), в другой - плюративы с вещественным значением, которые формировались только в ст.-рус. период с суф. -(о)ж- (ср. *обмелки*, *забелки*). В конце главы представлены производные абстрактные имена *pluralia tantum*.

Тип склонения как особый

словоизменительный класс может существовать, если к нему относятся не только слова лишь воспроизводимые, но и слова живых словообразовательных моделей. Этот вопрос рассматривается в пятой главе ("*Словообразовательная структура словоизменительных классов существительных*", с. 175-203). Сначала разбирается непродуктивность существительных непродуктивных типов склонения в исходной системе. Производные имена составляют, однако, большинство слов продуктивных типов субстантивного склонения. Основными способами словообразования существительных продуктивных словоизменительных классов являются суффиксация, префиксация, префиксация в сочетании с суффиксацией, сложение. Продуктивность указанных способов словопроизводства различна. А. выделяет два противопоставленных словообразовательных поля имен существительных (т.е. с мутационным и транспозиционным значением) и дает их подробный анализ.

За каждой главой в книге следует раздел "*Основные выводы*". На основании анализа материала автор пытается здесь обобщить полученные знания.

Результаты приведенных исследований резюмируются в отдельной части, несущей заглавие "*Заклучение*" (с. 204-216).

Следует список научной литературы ("*Литература*", с. 217-223), список источников, из которых были взяты примеры для иллюстрации описываемых явлений ("*Источники*", с. 242-244), и содержание, служащее для ориентации в книге ("*Оглавление*", с. 245-247).

В предлагаемой работе на многочисленном фактическом

материале памятников письменности XI-XVII вв. исследуются малоизученные процессы взаимодействия словообразования и словоизменения существительных. Изменения в словообразовании анализируются в их связи с категориями рода,

числа, одушевленности и неодушевленности. Рассматривается специфика словообразовательной структуры производных существительных разных лексико-грамматических разрядов и типов склонения.

Алеш Бранднер

O makedonské onomastice zevrubně

Stamatoski, T.: Makedonska onomastika. Skopje 1991, 336 s.

Od druhé poloviny padesátých let nastal ve slovan-ských zemích prudký rozvoj onomastiky. Byl vyvolán mj. základními onomastickými pracemi a etymologickými slovníky německého vědce Maxe Vasmera, který přirozeně ovlivnil také makedonské jazykovědce. Základního slavistického vzdělání se jim sice dostávalo nejčastěji v domácích (jihoslovanských) vysokoškolských institucích, onomasticky se však specializovali v československých, sovětských a polských slavistických centrech a čerpali z prací jejich odborníků. Je to ostatně patrné také na práci předního onomastika Trajka Stamatoského *Makedonska onomastika*, která je výsledkem jeho dlouholetého usilování.

Knihu tvoří studie, stati a referáty, které už předtím vyšly v časopisech a sbornících v uplynulém dvacetiletí. Do jednotlivých částí publikace jsou zařazeny chronologicky a tematicky.

V prvních několika státech pojednává autor o stavu studia makedonské onomastiky, podává přehled dosažených vy-

sledků domácích i zahraničních vědců a uvádí principy práce na onomastických lexikonech.

Nejrozsáhlejší je část pojednávající o antroponomastice. V ní se Stamatoski nejpodrobněji věnuje otázkám "osobního jména u Makedonců v průběhu staletí", systému pojmenování, otázkám hypokoristiky (domácké obměny oficiálních jmen jsou na rozdíl od nás v Makedonii velmi rozšířeny), příjmení a přezdívek. V mnoha případech přitom hledá onomastický materiál ve středověkých písemných památkách, v tureckých seznamech (tzv. defterech) nebo v textech makedonských autorů z minulého století a nejednou je srovnává s tendencemi pojmenování u ostatních jižních Slovanů.

Rodná (křestní) jména u Makedonců dělí autor na dvě velké skupiny: první tvoří slovanská jména, druhá je spojena s církevním životem. Proto v ní nacházíme jména řecko-byzantského, semitského a latinského původu. Zajímavé je autorovo konstatování, že osmanský jmenný fond téměř